

Иосиф Фрейлихман

ЩУПЛЬЦА СРЪТА

Иосиф Фрейлихман

Изнаноча

СПРУТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КАРТА МОЛДОВЕНЯСКЭ»
КИШИНЕВ * 1960.

«СЮРПРИЗ-12»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Глубоко уйдя всем своим грузным телом в мягкое кресло, Дэвис с незажженной сигарой в руке внимательно слушал Гоулена. Речь шла о будущей партнерше Дэвиса.

Временами на его крупном лице с выступающим подбородком, над которым ровной линией сомкнулись тонкие губы, появлялась едва заметная улыбка. Тогда его глубокие глаза блестели в сумраке затемненной комнаты, как два светлячка. От этого в лице Дэвиса появлялось что-то хищническое.

Трудно сказать, что побудило шефа разведывательного управления дать Дэвису кличку «Тигр»: внешний ли вид или находчивость и хитрость, которые тот сочетал со звериной свирепостью в достижении намеченной цели.

Но сейчас в его острых глазах, в наклоне головы, во всей фигуре сквозило беспокойство.

Беспокойство не покидало его с той самой минуты, когда стало известно, что он, Дэвис, должен подчиниться этому хлыщу Гоулену. Мало того. Раньше он работал один, полностью рассчитывая на свои собственные силы. Теперь же предстояло согласовывать свои действия с какой-то малоизвестной ему женщиной.

Кто она? Кое-что Дэвис о ней слышал, но ему и в голову не приходило, что придется работать с ней. По словам этого дутого франта Гоулена, она пре-

красно знает свое дело. Так ли это? Можно ли довериться ей?

Раскурив, наконец, сигару, Дэвис жадно затянулся.

— Насколько я вас понял, — заговорил он, — отец этой особы был белоэмигрантом? Пусть не покажется вам этот вопрос отвлеченным. Вы сами понимаете, что о человеке, с которым придется идти на такое дело, я должен знать все. Здесь нет мелочей...

— Пожалуйста. Это ваше право.

Гоулен встал, прошелся по комнате и остановился у окна. В безукоризненно сшитом коричневом костюме, гармонировавшем с каштановыми, зачесанными на косой пробор волосами, он выглядел моложе своих лет. Этому впечатлению способствовала и его подвижность, он все время что-нибудь делал.

Гоулен налил себе немного виски и снова удобно расположился в кресле. Встретившись с выжидающим взглядом Дэвиса, повторил: — Пожалуйста... — Немного помолчав, как будто припоминая что-то, он продолжал:

— Видите ли, ее отец появился у нас еще в 1922 году и тогда же был нами завербован. Вначале, правда, никто внимания на него не обратил. В то время белоэмигрантов здесь было хоть пруд пруди. Большинство из них влачило жалкое существование безликих исполнителей чужой воли. Так что появление молодого офицера с казачьими усами по фамилии Белгородов ни на кого особого впечатления не произвело. Однако так было только на первых порах. Вскоре Белгородов заметно выделился среди других...

— Чем именно?

— Прежде всего, своей иступленной ненавистью к Советской России, — медленно выговаривая слова, произнес Гоулен. — Ко всему, что было связано с ее новым строем.

— Ну, положим, все они поют на один лад.

— Белгородов переплюнул остальных. У него, видите ли, были особые счета с большевиками.

Гоулен взял из ящика сигару и тщательно сре-

зал конец. Несколько секунд с наслаждением курил. Затем его губы расплылись в насмешливую улыбку, обнажив золотые зубы...

— Сын потомственного офицера царской армии, он принадлежал к богатой дворянской семье... Революция опрокинула это благополучие. Он подался к Петлюре. Чем кончилась петлюровская затея, вам объяснять незачем. Тогда Белгородов решил эмигрировать. Но не успел он осуществить задуманное, как получил нозый удар, мало не стоивший ему жизни...

Его жена — между прочим, судя по фотокарточкам, которые он привез, настоящая русская красавица, — ушла от него с каким-то революционером, чуть ли, кажется, не рабочим. Белгородов попытался застрелиться — осечка! Чудом ему удалось бежать во Францию, а затем к нам. Удивительно, что он ухитрился при всем этом увезти с собой двухлетнюю дочь, украденную у жены.

Шеф распорядился позаботиться о ребенке. Девочка была взята на домашнее воспитание. Когда она подросла, ее определили в наше специальное училище. Там ее учили языкам, светским манерам, музыке. У нее обнаружился прекрасный голос. Это обстоятельство, разумеется, тоже не было упущено.

Ну, условия нашей школы вам известны... Виделась она с отцом очень редко. С детства изолированная ото всех, девочка всей душой тянулась к нему, единственному близкому человеку. Но мало отцовской ласки видела она. Белгородов заботился главным образом о том, чтобы воспитать в ней ненависть к большевикам, подготавливая из дочери верного союзника. Он постоянно твердил о том, что большевики погубили их жизнь, что мать бросила ее на произвол судьбы, продавалась большевикам...

А девочка, надо сказать, не лишена была способностей. В двенадцать лет хорошо стреляла из револьвера, бегло говорила на двух-трех языках. Ну, а потом...

Гоулен встал, налил в бокалы виски, отхлебнул глоток. Взглянув на застывшего в кресле Дэвиса, не

прикасавшегося к своему бокалу, Гоулен удивленно поднял брови и закончил:

— Короче, когда ей исполнилось пятнадцать, в училище не было лучшего стрелка, лучшей наездницы. И, черт возьми, пожалуй, никого красивее ее не было там.

В восемнадцать лет в ее активе уже числился удачный выстрел в члена посольства одного государства. Выстрел был произведен из самой гущи толпы по мчавшемуся автомобилю. Убийцу, конечно, не нашли. Это наделало много шума.

Затем она не менее удачно выполнила еще несколько весьма рискованных поручений. Вы, наверно, помните нашумевшее дело с краже секретной почты из портфеля дипломатического курьера? Это — одно из ее самых блестящих дел. — Гоулен немного помолчал. — Уже около года она готовится для переброски в Россию. У нее несколько профессий. Прекрасно играет, поет... Но самое главное ее оружие — это ненависть к Советской России. Она просто рвется туда. И мы верим в ее успех. Словом, мистер, вы имеете надежного партнера. Она сама разработала подробный план операции. И план, заметьте, одобрен нами.

— Не слишком ли вы доверяете ей? — с нескрываемой тревогой спросил Дэвис. — Все же она русская. Этого не следует забывать...

На гладко выбритом упитанном лице Гоулена промелькнула насмешливая улыбка. Барабания длинными холеными пальцами по полированной поверхности столика, он небрежно сказал:

— Ваши опасения беспочвенны. Когда у человека крупный счет в банке, он своих убеждений не меняет. К тому же она поклялась мстить за гибель отца...

— Как это понимать — «за гибель»? — изумился Дэвис. — Разве они его убили?

— По-видимому, да. Дело в том, что еще в сороковом году он был послан туда. Там Белгородов благополучно приземлился, сообщил, что продвигается к цели. А потом... потом пропал...

— Что означает «пропал»? — Дэвис весь подался вперед. Но Гоулен не торопился с ответом. За-

кинув ногу на ногу, он покачивался в кресле, то и дело касаясь носком лакированного ботинка мокрой морды бульдога, невозмутимо лежавшего у ног хозяина.

— Для нас это до сих пор остается загадкой, — наконец заговорил Гоулен. — Будь он жив, давно нашел бы способ дать о себе знать. Но он молчит уже около восьми лет. Сомнений в его гибели нет. Исчезновение отца вызвало вначале бурю; она металась, неистовствовала, а затем впала в глубокое уныние. Чтобы вывести ее из состояния оцепенения, шеф применил не очень новый, но почти всегда наверняка действующий прием. «Получены сведения о том, — как-то сообщил он ей, — что ваш отец казнен русскими...» При этом он, разумеется, не упустил случая расписать подробности «казни»... Результат даже превзошел ожидания.

Она поклялась мстить за отца беспощадно. Потом ее встряхнули двумя-тремя рискованными поручениями. И теперь она неудержимо рвется в Россию.

Вновь раскурив сигару, Гоулен добавил:

— Так что можете не тревожиться, лучшего партнера вам не сыскать во всем Новом Свете!

Тонкие губы Дэвиса скривились в скептической улыбке. Глядя поверх головы Гоулена, он произнес:

— Что ж, характеристика лестная. — И, помолчав, спросил: — Какова же ее кличка и когда мы отправляемся?

— Вам придется несколько задержаться здесь. В ближайшее время мы найдем способ перебросить «Актрису» через границу.

— Гм... «Актриса». Не слишком ли экстравагантно? Однако позвольте, мистер, как может женщина, пусть даже способная на большой риск, ехать на такое опасное дело без моей помощи? Мне кажется, вы переоцениваете ее силы...

— Вначале поедет она одна, чтобы обжиться и освоиться там... Когда все будет налажено и настанет время решительных действий, поедете вы.

Медленно выговаривая слова, точно наслаждаясь своим красноречием, Гоулен продолжал:

— Наше управление оказалось дальновиднее некоторых сенаторов и дипломатов. Еще в сорок третьем, предвидя неизбежный крах Германии и победу большевиков, мы позаботились о том, чтобы привлечь для работы в России немецкую агентуру. Согласно нашего плана немцы создали в оккупированных районах несколько хорошо скрытых баз в местах, где, по нашим предположениям, русские обязательно развернут строительство интересующих нас объектов. К сожалению, советская разведка раскрыла многие из этих баз. Но та база, куда едете вы с «Актрисой», сохранилась. Там есть много полезного для вас, в том числе и рация, так что...

— Простите, а вам не приходило в голову, что русские могут обнаружить и эту базу, а следовательно, в конечном счете выловить и нас?

Гоулен посмотрел на собеседника с холодным презрением.

— Представьте, приходило. Человек нашей профессии обязан учитывать все. А вы как мыслите себе такую операцию? Как увеселительное турне?

У Дэвиса чесались руки от сильного желания дать этому фату по физиономии. Но он сдержал себя. Лицо его по-прежнему оставалось неподвижным.

Дэвис поднялся, подошел к столику и налил себе воды. Держа стакан перед собой, он посмотрел сверху на сидевшего Гоулена и спокойно спросил:

— Когда можно будет подробно познакомиться с планом?

— Ровно через пять минут, — сказал Гоулен, взглянув на висевшие на стене старинные часы, — «Актриса» будет здесь. — Он тоже поднялся и, подойдя к окну, резким движением отдернул тяжелую штору. Солнечный свет хлынул в комнату и заставил Дэвиса зажмуриться. Он отступил вглубь и оказался за спиной Гоулена.

На залитой солнечным светом улице сновали в разные стороны автомобили, троллейбусы, тротуары были запружены пешеходами.

У подъезда остановилась маленькая ослепительно белая машина. Сидевшая за рулем женщина выключила мотор, рывком открыла дверцу и легко выскочила на тротуар.

— Вот и она,— сказал Гоулен.

Дэвис от удивления даже чуть присвистнул. Упругая походка молодой женщины и плотно облегающее платье обрисовывали точеные формы стройного тела. Длинные загорелые ноги были обуты в маленькие туфли на высоких каблуках. Уложенные на затылке большим узлом волосы подчеркивали грациозную линию шеи и плеч. Яркая, нарядная красота женщины поразила Дэвиса.

— Пройдите в соседнюю комнату и прикройте дверь,— повелительно произнес Гоулен.— Я вас позову, когда понадобится.

Дэвис с плохо скрытой досадой отвернулся и вышел, а Гоулен тем же резким движением задержал штору.

ГЛАВА II

Разрезая темноту светом прожекторов, будоража ночную тишину резкими гудками, мчался скорый поезд.

В купе мягкого вагона, покачиваясь в такт движению, стоял пассажир. Глаза его были устремлены в окно, за которым мелькали очертания строений, кустов и деревьев, едва различимых во мраке южной ночи.

Временами, когда купе озаряла вспышка молнии, можно было разглядеть, что пассажир этот молод, а маленькие усики, светлая шевелюра и в особенности большие голубые глаза делали его очень привлекательным. Одет он был просто, как студент, едущий на каникулы или на практику.

По спокойному виду молодого человека никак нельзя было предположить, что тревожные мысли не покидали его уже много часов подряд.

Как бы невзначай юноша посмотрел в открытую дверь купе. В хорошо освещенном коридоре по-прежнему маячила тень человека, сидевшего на откидном стуле. Да, этот спокойно читающий человек, несомненно, опасен. С той самой минуты, когда поезд перемахнул через неширокую, но быструю реку и остановился на первой советской станции, молодой человек, похожий на студента, почувствовал, что за ним следят. Углубленный в чтение, пассажир один только раз взглянул на «студента» и после этого, казалось, не обращал на него никакого внимания; однако при малейшем его движении «студент» внутренне настораживался. Как же они могли узнать? Все было так хорошо предусмотрено...

Может, ему все это только кажется? Вряд ли.

«Студент» решил хорошенько разглядеть сидевшего. Он постоял еще некоторое время, потом медленно прошелся коридором и остановился у окна. Так глубоко интересовавший юношу пассажир был молодым человеком лет двадцати двух. Под спортивным костюмом угадывались крепкая грудь и сильно развитые мускулы. Серые глаза, окаймленные густыми длинными ресницами, смотрели на окружающих доверчиво просто. То и дело он поправлял прядь выющихся волос. Ничем как будто он не вызывал подозрений. И все же «студент» после внимательного изучения попутчика пришел к твердому убеждению, что этот молодой человек представляет для него большую опасность.

«Студент» оторвался от окна, посмотрел на часы. Было около трех ночи. Сонно позевывая, он вошел в купе и закрыл за собой дверь. Рукояткой закрыл замок в дверях и отбросил боковой запор-секретку. Не включая света, достал из багажника кожаный чемодан, положил на мягкое сиденье дивана, открыл крышку и нажал на едва выступавшую кнопку. Боковая стенка раскрылась, как дверцы. В специальных гнездах находились финка и кастет. Из

гнезда «студент» достал финский нож и небольшой пистолет.

Слегка замедляя ход, поезд преодолевал подъем.

«Студент» выключил фонарь и, взяв пистолет в правую руку, ребром рукоятки провел по стеклу. Образовавшийся квадрат он легко выдавил и повернулся, чтобы положить стекло на диван. Но угол откололся. Выронив осколок, он подхватил стекло, положил на диван и стал шарить по полу. Найти осколок не удалось. Чтобы не терять времени, пассажир бросил поиски, подошел к окну, провел рукояткой пистолета по второму стеклу и пальцами вытолкнул его.

В купе повеяло ночной прохладой, в лицо брызнули капли мелкого дождя.

С того момента как лейтенант Костричкин получил задание, он полностью включился в дело.

Подобно борцу, отдающему всю свою волю и физическую силу, сноровку и опыт достижению победы, Костричкин подчинил всего себя единой цели — обнаружить непрошеного «гостя». И, как всегда в подобных случаях, готовился к самому трудному. Настороженный взгляд, брошенный «студентом» вслед проводившим проверку документов при переезде границы, заставил Костричкина пристальной изучить пассажира. Стараясь не дать почувствовать «студенту», что за ним наблюдают, Костричкин читал книгу. Тем не менее от его напряженного внимания не ускользнуло ни одно движение «студента». Твердой уверенности, что это именно тот человек, которого он ищет, у лейтенанта не было. И все же он отправил младшего лейтенанта Корнилова с поручением сообщить полковнику Решетову о подозрительном пассажире.

Когда дверь купе закрылась за «студентом», Костричкин некоторое время продолжал сидеть в прежней позе, затем поднялся и вышел в тамбур, где уже несколько минут его ждал Корнилов.

— Сообщил первому? — не сводя глаз с коридора, шопотом спросил Костричкин.

— Так точно.

— На всякий случай запомни приметы: глаза большие, голубые, модные усыки. Брюнет, но думаю — фальшивка... — Костричкин не договорил и, как бы что-то вспомнив, посмотрел на наружную дверь тамбура. — Не выпускай из виду коридор. Если выйдет, немедленно дай знать. — Костричкин открыл наружную дверь и повис на поручнях, всматриваясь в темноту. Частые вспышки молний и раскаты грома придавали обстановке еще большую напряженность.

Вдруг Костричкин сделал знак Корнилову. Тот быстро подошел к дверям тамбура.

— Спрыгнул, дьявол! — по лицу и одежде Костричкина текли струйки воды. — Немедленно обследуй купе и сообщи, что я следую за ним...

— Костя! — Но Костричкин уже не слышал слов Корнилова. Оторвавшись от ступеней, он спрыгнул на ходу поезда, и темнота мгновенно поглотила его...

ГЛАВА III

Было уже за полночь, когда майор Вергизов вышел из кабинета полковника Решетова. Дежурный по управлению доложил, что сведений от оперативных групп не поступало. Майор прошел в свой кабинет, включил настольную лампу и опустил на стул. Мягкий свет падал на письменный стол и освещал его сосредоточенное лицо. Густые черные брови майора сошлись над переносицей в одну линию. Глаза были устремлены на полученное из Москвы сообщение.

В сообщении шла речь о том, что в ближайшие день-два иностранная разведка забросит сюда своего агента. Каким путем это будет сделано и что из себя представляет агент, в шифровке не говорилось.

Некоторое время спустя поступило донесение от лейтенанта Костричкина с железнодорожной станции. Он сообщал, что обнаружил подозрительного пассажира — молодой человек, по виду студент. За ним установлено наблюдение. Причин для задержания пока нет

Кто этот пассажир? То ли это лицо, о котором говорилось в шифровке?

Костричкин, очевидно, не совсем уверен, что нащупал шпиона... Ну, а если он ошибся? Может быть, он переоценивает свои силы?

Молодость — большое преимущество, но она имеет и свои теневые стороны: нехватка опыта, знаний. Правда, лейтенант Костричкин уже показал себя как вдумчивый, умный работник. Но ведь иностранная разведка пошлет тоже не новичка, а опытного, хитрого и, пожалуй, матерого шпиона? Об этом забывать не следует. Оставлять лейтенанта Костричкина одного при таких обстоятельствах опасно.

Вергизов посмотрел на часы. Если отправить капитана Завьялова на мотоцикле, то он, пожалуй, успеет прибыть на разъезд раньше, чем поезд. Майор снял телефонную трубку, чтобы вызвать Завьялова, когда дверь в комнату стремительно открыл дежурный.

— Товарищ майор, от Костричкина! — он протянул Вергизову расшифрованное донесение.

Костричкин просил срочно выслать оперативную группу к поселку Красный Октябрь. Лицо Вергизова посуровело. Что могло произойти у Костричкина? Ясно, что агент ушел, но при каких обстоятельствах? От Костричкина уйти не так-то легко...

Сообщив свои соображения полковнику Решетову, Вергизов через несколько минут уже мчался под проливным дождем на автомашине во главе оперативной группы.

• • •

Поселок был погружен в глубокий сон, когда машина с опергруппой остановилась у сельсовета. Костричкин встретил майора спокойно и вслед за ним вошел в здание сельсовета. Только бледность лица слегка выдавала его волнение.

Вергизов выслушал доклад и одобрил действия лейтенанта. Со времени, когда, по расчету Костричкина, агент скрылся, далеко уйти он не мог, если только не воспользовался попутным автотранспортом.

Колхозный сторож рассказал, что видел незнакомого человека с чемоданом, который держал путь в сторону районного центра. Это было час тому назад. Майор понял, что шпион будет стараться добраться до города. А там, в большом индустриальном центре, ему скрыться будет легко. Нужно во что бы то стало захватить его в пути.

Майор распорядился двигаться к шоссе. Оставив оперативную группу, Вергизов приказал прочесать небольшой лесок, тянувшийся вдоль шоссе, а сам погнался на машине к городу.

Но поиски не привели ни к чему. Агент скрылся бесследно.

Когда Костричкин исчез в темноте, Корнилов несколько минут оставался в тамбуре, оценивая обстановку. Ему очень не хотелось оставлять лейтенанта одного. Ведь вдвоем легче справиться со шпионом. Но Костричкин приказал обследовать купе и доложить начальству о случившемся. И Корнилов, крепя сердце, отправился выполнять приказ.

Начальник поезда, пожилой человек с большими рыжими усами, молча выслушал Корнилова. Затем вынул карманные часы на длинной цепочке и открыл их. Но так и не взглянув на циферблат, громко щелкнул крышкой и поднялся.

— Ладно, молодой человек. Проверить так или иначе нужно.

Вместе с проводником и поездным вагонным мастером они подошли к дверям купе. На стук никто не отвечал.

— Не теряйте времени, товарищ начальник, — поторопил Корнилов. — Дайте указание мастеру.

Мастер, привычно орудуя инструментом, быстро справился с задачей.

— Никому в купе не входить! — голос Корнилова звучал повелительно. Присутствующие остались в коридоре, провожая взглядами Корнилова.

Корнилов зажег свет и внимательным взглядом окинул купе. Намокшие от дождя шелковые занаве-